

Леонид Андреев

Впечатления

Леонид Николаевич Андреев

Впечатления

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806725

Аннотация

«Недавно я перечитывал Глеба Успенского, смеялся и грустил и с радостью преклонялся пред благородством и чистотой души этого человека, в страданиях искавшего но всей широкой России давно затмившейся правды и давно обороненной совести. Ожили перед моими глазами мертвые черные строчки и буквы; то были частицы его страдающей души, а все вместе сверстанные, сброшюрованные и пущенные на рынок, они составляли все то, что он отнял у себя и отдал нам – его светлый разум...»

Содержание

1	4
2	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Леонид Николаевич Андреев Впечатления

1

1

Недавно я перечитывал Глеба Успенского, смеялся и грустил и с радостью преклонялся пред благородством и чистотой души этого человека, в страданиях искавшего но всей широкой России давно затмившейся правды и давно обороненной совести. Ожили перед моими глазами мертвые черные строчки и буквы; то были частицы его страдающей души, а все вместе сверстанные, сброшюрованные и пущенные на рынок, они составляли все то, что он отнял у себя и отдал

¹ Фельетон появился в печати с цензурными искажениями. Цензором, в частности, были вычеркнуты следующие строки: // «Я видел великого художника, подавленного злом и неправдою жизни; я переживал вместе с ним ту великую и страшную трагедию раздвоенной души, когда художник борется с человеком и когда оба побежденные, оба измученные они сливают свои голоса в дисгармоничном, но трогательно искреннем и мучительном правдивом вопле. И нежность и любовь чувствовал я к этому родному русскому страдальцу, жившему одной жизнью с его бедной родиной, впитавшему в себя всю ее безмолвную боль и страдания и за право говорить о них заплатившему безумно дорогой ценой – своим разумом». (Примеч. составителя).

нам – его светлый разум. Отданный той же с болью любимой родине, он продолжает творить свою благотворную работу. Но где же он сам, этот страдалец за чужие грехи, этот всеми нами любимый и чтимый Глеб Успенский? Что говорят о нем, о его здоровье, о его жизни? Какова бы ни была, она дорога ведь нам. И стыдно мне стало за себя и за всех нас, когда ответом на все эти вопросы явилось тупое и дикое: не знаем. Где он – не знаем; какова его жизнь – не знаем, потому что об этом не говорят и не пишут. Да жив ли он, наконец? – этот вопрос был как-то предложен мне одним интеллигентом, пораженным безмолвием могилы, окутавшим дорогое имя. Но, подумав, искушенный опытом, российский интеллигент сам же и ответил: вероятно, жив, потому что иначе о нем говорили бы много, горячо, хорошо и с любовью.

2

Замедляется темп рабочей жизни, и Москва начинает переходить к отдыху и веселью!

Готово к принятию своих гостей и Девичье поле. Выстроились рядами балаганы и другие маленькие храмики народно-детского искусства, где попискивает неунывающий Петрушка.

Дальше на наружной галерее большого балагана дает оброчки скрытых в нем наслаждений традиционный клоун. У него длинные воротнички, намазанное мелом лицо и красный от мороза нос. Старые, но вечно новые остроты по поводу рыжих, кривых и тетки Пелагеи. Немного соли, но публика довольна, повторяет остроты и смеется: быть может, ей приятно именно то, что и прошлый год она слышала то же, и то же услышит в будущем. Смешно и то, что в толпе действительно находится именно рыжий, по-видимому, прасол или мелкий торговец. Он отходит от балагана, а зрители провожают его добродушно-насмешливыми взглядами, и один, немного хмельной, даже подмигивает. Но рыжий серьезен и мрачен – сколько уж он слышал острот и шуток над своей несчастной шевелюрой!

Но вот, с другого конца поля, где грохочут на «французской горе» небольшие платформочки, доносится громкий, настойчиво зовущий звон колокола. Толпа бросает клоуна и

устремляется на звон. Иду и я. Налево тесно стоят палатки с подсолнухами, орехами и сладостями. В стороне сбитенщик наливает желтоватой горячей водицей стакан. Он так липок и грязен, что палец прилипает к нему, как притянутый магнитом, но пьющие, видимо, не брезгливы.

Направо под веселые звуки гармонии, скрипки и бубна кружится карусель. Подхожу ближе и невольно останавливаюсь, очарованный милой картинкой. Я уже раньше заметил целый выводок приютских ребятишек самого юного возраста — от шести до 10–11 лет. Мальчики в темно-серых поддевках, наушниках и больших картузах, из-под которых едва виднеются бледные, несмотря на мороз, личики; девочки закутаны платками. Точно цыплята, они двигаются за какой-то дамой и дядькой, но, как цыплята, дисциплинированные, скромные, идущие парочками и за ручку. Одного совсем маленького человечка дядька несет на руках.

Теперь все эти человечки кружатся на карусели, мальчики на деревянных конях, а девочки в люльках. Какие потешные лица, какие позы! Девочки улыбаются и смотрят по сторонам, но мальчики серьезны, полны важности и страха. Бешеные кони уносят их в бесконечную даль, и смелые всадники с достоинством выполняют свою трудную задачу. Одни цепко держатся за холодный металлический прут голыми, красными ручонками, но, по-видимому, не чувствуют холода; другие обняли его и только два-три героя кружатся не держась. Кружится один горбатенький. Личико его, потерявшее дет-

ские очертания, печально, и не видно на нем ни радости, ни страха, ни важности. Самый маленький не отстал от товарищей и кружится на коленях у дядьки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.